

«биологической дивергенции», то другие, обусловленные общим ходом социально-экономического и культурного прогресса, все более препятствуют проявлению генетических отклонений на уровне популяций, мешают превращению таких отклонений в антропологические вариации, не ускоряют, а тормозят процесс расообразования среди современного человечества.

В. И. Козлов

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ДИВЕРГЕНЦИЯ И ПОПУЛЯЦИИ

Статья В. П. Алексеева ставит ряд интересных, иногда дискуссионных проблем, многие из которых слабо разработаны как в биологической, так и в этнографической литературе. Дискуссионные проблемы касаются главным образом влияния социальных факторов на биологическую дивергенцию человеческих популяций и ее значения в расогенезе.

Сама по себе постановка вопроса о воздействии социальных факторов на биологические процессы вполне закономерна и заслуживает одобрения. Однако представляется, что социальные факторы выделены в статье недостаточно четко, и частично повторяют друг друга, например, характер расселения человеческих коллективов, этнический фактор и роль государственных границ; психологические традиции и этнический фактор и т. д.

Кроме того, нельзя не заметить, что хотя статья посвящена именно влиянию социальных факторов на дивергенцию, уже начиная со стр. 124 весьма убедительно показывается ограниченность их значения для предполагаемого процесса. К сожалению, не затронут важный для данной проблемы вопрос о практических следствиях воздействия социальных факторов на человеческие популяции; не показано, к каким изменениям в генотипе и фенотипе приводит воздействие социальных факторов в ходе дивергенции популяций. А без этих данных невозможно судить о значении этого воздействия.

Автор многократно отмечает, что процессы расогенеза продолжаются и в историческое время, в том числе и в современную эпоху. Не соглашаясь с этим, отмечу, что можно найти немало доводов в пользу того, что большие человеческие расы сложились в ходе формирования вида *Homo sapiens*, когда еще действовали силы естественного отбора, и в дальнейшем процесс расогенеза прекратился. Это видно хотя бы из того, что группы представителей различных рас, оказавшихся еще в очень отдаленные времена за пределами того ареала, где сложился их расовый тип, тем не менее сохранили этот тип и не обнаружили тенденции к складыванию в условиях новой экологической среды соответствующих приспособительных расовых черт. Это вполне закономерно, так как в ходе антропогенеза, по мере развития интеллектуальных способностей человека и его материальной базы, прекратилось действие естественного отбора, причем не только в отношении видовых, но и расовых признаков. В дальнейшем происходило главным образом смешение представителей разных рас, составлявших один биологический вид, что имело следствием размывание расовых признаков, возникновение промежуточных расовых типов и т. п. И этот процесс вел не к расообразованию, а к исторически обусловленной интеграции человеческих рас. В связи со сказанным не могу согласиться с тем, что «биология современного человека отражает

историю современного человечества...» (стр. 115), и что и в историческое время продолжают процессы расообразования (стр. 119, 121, 128, 129, 131 и др.).

Думается, что история человечества никак не сказалась на его биологической истории и не привела к изменению видовых и расовых признаков *Homo sapiens*.

Другое дело, изменение в ходе истории некоторых антропологических признаков различных групп человечества. Но происходило это не в процессе расогенеза, который завершился с прекращением проявления естественного отбора, а вследствие воздействия разного рода факторов, в том числе и социальных, которые вели не к дивергенции, а к размыванию расовых признаков. В связи с этим следует выразить сожаление, что в статье не конкретизированы биологические признаки, появлявшиеся в процессе «дивергенции» и «расообразования», без чего трудно судить об их представительности.

Вообще мне кажется, что термин «дивергенция» не подходит для описания рассматриваемых процессов. Он означает биологическое расхождение признаков, ведущее к видообразованию, что не свойственно человеку современного вида. Сказанное касается и больших человеческих рас. То, что биологическая дивергенция не характерна для нашего времени, видно из направления развития этногенетических процессов, широко освещенных в советской и зарубежной литературе. Процессы этнического сближения, наблюдаемые, скажем, на огромной территории СССР в ходе формирования новой исторической общности — советского народа — резко противоречат предположению о дивергенции.

И, наконец, проблема популяций. Прежде всего возникает вопрос, можно ли применять этот термин к человеческим группам, так как обычно популяция понимается как совокупность особей растительного или животного мира определенного ареала, принадлежащих к тому или иному виду. Даже расовый признак представляется не столь существенным при классификации человечества вследствие его видового единства и отсутствия качественных биологических различий между расами. Популяция же, если ее понимать как часть расы, занимает еще более скромное таксономическое место.

Человечество давно уже перешагнуло границы своего первоначально-го биотопа и биоценоза, создало разного рода социальные организмы, что оказалось возможным на основе социально-экономической, а не биологической организации. Расселение популяций приводит к появлению новых популяций. Расселение социальных организмов, в частности этносов, совсем не обязательно приводит к появлению новых этносов, так как их объединяют социальные, культурные и другие собственно человеческие, а не биологические связи. А этносы не столь замкнуты во времени, чтобы стать основой биологических популяций, отождествляемых с расой. Принципиальное различие связей, лежащих в основе этносов и понимаемых таким образом популяций, не позволяет согласиться с тем, что «... этнос при определенных условиях представляет собой потенциальную популяцию» (стр. 118). Такой взгляд приводит к неправомерному сопоставлению процессов расообразования «в популяциях животных и человека...» (ср. стр. 118). В связи с этим неправомерно и перенесение на человека взглядов И. И. Шмальгаузена, касающихся факторов естественного отбора (см. стр. 128). Еще труднее согласиться с тем, что естественный отбор выступает как формообразующий фактор в эволюции человеческих популяций (там же).

Представляется, что даже все человечество в целом нельзя рассматривать как популяцию, так как оно является в первую очередь комплексом социальных организмов, а не биологической совокупностью животных. Тем более нет основания рассматривать как популяции группы че-

ловечества, представляющие собой социальные организмы в виде этносов, государств и т. п.

Уже само по себе применение понятий «биологическая дивергенция», «популяция» применительно к человеку современного вида открывает путь для предположений о дальнейшей дивергенции рас и популяций, складывании новых рас, консервации и углублении биологических различий между разными группами человечества. Но это противоречит сущности современных политических и этнокультурных процессов, для которых скорее характерна интеграция, чем дифференциация. Впрочем, вступая в противоречие с собственными взглядами, высказанными в начале статьи, автор рассматривает многие социальные факторы как интегрирующие, а не ведущие к дивергенции (см. стр. 125 и сл.).

Вынужденная краткость настоящей заметки заставила меня остановиться главным образом на дискуссионных проблемах, поднятых В. П. Алексеевым. В связи с этим, чтобы не возникло неправильного представления об оценке статьи в целом, хочу отметить, что она весьма интересна, содержит много ценных мыслей и положений, и следует всячески одобрить обсуждение таких сложных проблем представителями разных наук.

Г. Е. Марков

О СПЕЦИФИКЕ РАСООБРАЗОВАНИЯ У ЧЕЛОВЕКА

Статья В. П. Алексеева озаглавлена «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций». Из такого названия трудно понять, о какой дивергенции пойдет речь — родовой, видовой, расовой, популяционной, конституциональной или какой-либо еще. Ведь сам автор рецензируемой статьи в одной из своих последних работ рассматривает разные уровни биологической дивергенции человечества, выделяя, например, в составе подсемейства людей (*Homininae*) два рода и пять видов¹. Однако при первом же ознакомлении с текстом рассматриваемой статьи становится очевидным, что в ней анализируются социальные факторы расовой дивергенции, т. е. расообразования. В. П. Алексеев выделяет семь групп таких факторов, играющих, по его мнению, роль «фильтра», который ускоряет или замедляет процесс расообразования. Факторы эти следующие: «...характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения...» (стр. 119). Но тут же автор, противореча сам себе, пишет: «При рассмотрении вопроса в целом есть основания утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствует биологической дифференциации человечества, ускоряет, а не замедляет ее» (там же). Фактические данные, приводимые В. П. Алексеевым для «доказательства» ускоряющего влияния социальных факторов на расообразование, как правило, неубедительны уже потому, что они доказывают вовсе не образование каких-либо новых рас, а только колебания в распределении отдельных генов в популяциях, в разной степени изолированных друг от друга генетическими барьерами. Так, например, малые популяции Дагестана и Памира обнаруживают известные, иногда довольно значительные различия в вариациях некоторых серологических и дерматоглифических признаков, которые, бесспорно, стимулируются и

¹ В. П. Алексеев, Возникновение человека и общества, сб. «Первобытное общество», М., 1975, стр. 19.